

УДК 159.9.07

В.Е. Ключко

УРОВНИ СЛОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВИСТИКА

На примере психологии рассматривается проблема усложнения профессионально-психологического мышления в процессе становления психологического познания. С помощью транспективного анализа выделяются три уровня сложности мышления: простое мышление (одномерно-бинарное), свойственное классической науке, сложное мышление (бинарно-тернарное), характерное для неклассической науки, и сверхсложное мышление (тернарно-многомерное), которое проявляется в науке, осваивающей постнеклассическую парадигму. Утверждается, что различие уровней сложности научного мышления является существенным для современной когнитивистики, которая переживает этап перехода от междисциплинарного дискурса к созидательному трансдисциплинарному подходу к проблеме познания.

Ключевые слова: *простое мышление, сложное мышление, сверхсложное мышление, классика, неклассика, постнеклассика, саморазвитие, самоорганизация.*

Поскольку данная статья представляет собой раскрытие тезисов моего выступления на конференции «Методология познания сложных саморазвивающихся систем» (7–9 ноября, 2012 г., г. Томск) и поскольку название ее совпадает с темой доклада, то я сохранил в ней исходную логику выступления. Для меня, как я и отмечал в своем докладе, само участие в конференции, непосредственным предметом которой явилось обсуждение проблем методологии познания сложных саморазвивающихся систем, стало фактом особым. Мои представления о человеке как одной из самых сложных, а может быть, и самой сложной открытой саморазвивающейся системе стали складываться сравнительно давно. Четверть века назад практически никто еще не писал о сложности как самостоятельном феномене, хотя институционально идея стала оформляться. Так, Институт сложности в Санта-Фе (SFI) был создан в США в ноябре 1983 г. В 1989 г. в научный оборот вошла триада «классицизм – неклассицизм – постнеклассицизм» [1] и стала утверждаться мысль о том, что простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке, сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке, а миссией постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы.

Стоит заметить, что практически все, кто сегодня говорит и пишет о постнеклассическом этапе развития психологии, охотно пользуются указанной типологией, но при этом чаще всего уклоняются от обсуждения проблем, связанных с выделением ключевого признака этой типологии. А этот признак как раз и заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект [2]. Между тем уже к середине 80-х прошлого века тенденции развития психологии были выражены настолько, что

их можно было «просчитать» и тем самым достаточно уверенно связать ближайшее будущее науки с наступлением нового этапа в ее развитии. Однако для вскрытия объективных тенденций развития науки требовался особый метод историко-психологического анализа, который и был определен как историко-системный подход [3].

В 1985 г. я написал статью с претенциозным названием «Динамика типологических форм системного подхода в психологии и перспективы развития психологической науки», которую так и не удалось опубликовать в силу ее избыточной «революционности», и она вышла в 1987 г. в депонированном виде [4]. В ней я писал о том, что развитие науки представляет собой эскалатор усложняющихся уровней системного изучения психического, и развитие науки выступает как движение, имеющее свою внутреннюю тенденцию, осознав которую, можно по-другому осмыслить ее прошлое, настоящее и будущее. Утверждалось, что наука выходит на новый этап своего развития, логически вытекающий из общих тенденций ее самодвижения, а признание этого позволяет осознанно приступить к разработке «теории психологических самоорганизующихся инициативных систем». В монографии, вышедшей в том же году в периферийном издательстве, указывалось, что открытая психологическая система, центр которой представлен человеком, *способна «не только к саморегуляции, но и к самоорганизации, и не только к самоорганизации, но и к саморазвитию»* [5. С. 11–12].

Каким образом зарождались эти идеи? Толчком для указанных методологических построений послужили результаты большой серии экспериментов, завершившихся в 1978 г. Изучалась так называемая «свободная инициация» мыслительной деятельности, т.е. самопроизвольно осуществляющийся переход человека от тривиальной деятельности к деятельности мыслительной. Было использовано много разных методик с использованием синхронной записи кожно-гальванической реакции (КГР), традиционно рассматриваемой в качестве достаточно надежного физиологического индикатора эмоционального процесса. Поначалу это укладывалось в контекст понимания деятельности как саморегулирующейся системы. Все оказалось гораздо сложнее, когда выяснилось, что для некоторых испытуемых определенные элементы условий, в которых осуществлялась деятельность, задаваемая инструкцией, вдруг обретали особый смысл, и они, эти элементы, становились теми центрами, вокруг которых начинала организовываться мыслительная деятельность, при том, что ни инструкция, ни сама ситуация этого не предполагали. Самое примечательное было в том, что понять происхождение этих смыслов было невозможно, оставаясь в пределах исходной методологии. Это не было проявлением саморегуляции – она подсоединялась позднее, когда оказывалась сформированной познавательная цель. Именно поэтому оставалось совершенно непонятным, как именно регулируется деятельность на стадии познавательного целеобразования и что в этом случае выступает в качестве системообразующего фактора.

Итак, о смыслах и ценностях как сверхчувственных качествах предметов нам пришлось заявить, когда аппаратурная запись эмоций, синхронизированная с содержанием разворачивающейся деятельности испытуемого, вскрыла неожиданный и труднообъяснимый в то время феномен, а именно *непрерыв-*

но идущий отклик объективных условий деятельности на меняющиеся субъективные человеческие ожидания и запросы. Поначалу мы использовали понятие «неформальная (ценностно-смысловая) структура ситуации» (ЦСС), пытаясь определить тот вклад, который она вносит в детерминацию и направленность мыслительной деятельности. Предполагалось, что ЦСС формируется под определяющим влиянием эмоций, и это позволяет описывать не только роль целеобразования в направленности интеллектуальных эмоций, но и роль эмоций в целеобразовании [6].

Однако проводимое экспериментальное исследование процессов смыслообразования в мыслительной деятельности как ее внутренних регуляторов упорно показывало, что нет никакого процесса образования смыслов как того, чем специально занимается мыслящий человек. Трудно было представить, что *смыслы возникают сами*, что здесь мы напрямую столкнулись с продуктами самоорганизации, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Их невозможно было отделить от своего носителя – предмета, особым (сверхчувственным) качеством которого они являются. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними – в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Эмоции «считывали» его, но презентовали сознанию не сам смысл, а предмет, обладающий смыслом. В принципе, это и был выход к решению проблемы осознания: человек видит в мире то, что соответствует ему в данный момент, но так, как оно есть «в действительности», т.е. без него (эффект присутствия). Получалось, что не эмоции «лежат на поверхности сознания» (А.Н. Леонтьев), но сознание лежит на поверхности эмоций. И все это невозможно было понять, оставаясь в методологии саморегуляции, но еще труднее было перейти к методологии самоорганизации и саморазвития.

Позднее представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа системной детерминации, в соответствии с которым внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, «Я» и «не-Я» вступая во взаимодействие, производят нечто третье – сверхчувственные, общесистемные качества, «Я в не-Я». Будучи психологическими новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко второму, они становятся своеобразным параметром порядка, указывающим направления развития системы за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве [7, 8].

Заметим, что речь идет не о тех смыслах и ценностях, которые «живут» в культуре, из которой потом персонифицируются в процессах социализации, и не о ценностно-смысловых нормативах, способных создать (внутреннюю или внешнюю) оценочную базу для человеческих поступков и деяний (типа ценностных ориентаций). Речь идет об операциональных смыслах и ценностях, формирующихся в реальной жизнедеятельности человека как ее психологические новообразования, обеспечивающих такое качество сознания, как осмысленность. Именно эти смыслы и ценности в динамике их образования мы изучали в лаборатории создателя смысловой теории мышления О.К. Тихомирова. Теперь все более становится понятным, что за проблемой операцио-

нальных смыслов и ценностей стоит пока еще далекая от своего решения проблема того, каким образом открытые системы любого уровня сложности формируют параметры порядка и опираются на них в своем дальнейшем следовании. Отсюда вытекает, что на уровне психологии проблема возникновения аттракторов уже получила свое первичное разрешение, а это знание является очень важным для наук, изучающих гораздо более простые (физические, химические, биологические) системы. Избирательность отражения оказалась в прямой зависимости от организации многомерного жизненного пространства человека.

Представляется, что для современной когнитивистики этот факт имеет немаловажное значение. За ним скрывается возможность развития интегративных тенденций в полидисциплинарном комплексе, которым она представлена. Трансперспективный взгляд на развитие науки позволяет предположить, что, по всей видимости, начинает сбываться предсказание Жана Пиаже, полагавшего еще в 1970 г., что после этапа междисциплинарных исследований «следует ожидать более высокого этапа – трансдисциплинарного, который не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами» [9]. Внутри все еще продолжающегося этапа междисциплинарных исследований в когнитивистике, который еще далеко не завершен, начинают складываться некоторые черты и признаки нового (трансдисциплинарного) этапа – трансдисциплинарный подход вызревает внутри междисциплинарного дискурса. В качестве такого признака могут выступить трансдисциплинарный перенос понятий и когнитивных схем, а также обнаружение общих закономерностей, до поры до времени воспринимавшихся как частные «внутрипредметные» реалии. Наблюдая, как сегодня оживилась проблематика трансдисциплинарности в научном сообществе, включая создание соответствующих международных центров, можно предположить, что сегодня востребованным оказался «созидательный полилог» монодисциплин, способный породить такое знание, которым не владеет ни одна из наук, и получение которого превышает возможности любой из них.

Замечу только, что самое сложное при вхождении в методологию трансперспективного анализа заключается в необходимости использования особого мышления. Трансперспективный анализ – это метод познания, адекватный для постнеклассической науки. Он демонстрирует тот факт, что наука, понимаемая как открытая, прогрессивно эволюционирующая, закономерно усложняющаяся в своем становлении система, рано или поздно создаст инструменты для самопознания. Иными словами, эволюция познания выковывает инструменты для познания закономерностей собственной эволюции, одним из которых и является трансперспективный анализ.

Как же проявляется усложнение профессионально-психологического в этапах развития науки и смене типов рациональности? Более детально этот процесс описан нами в ряде работ [10, 11]. Что же касается системной антропологической психологии, которую разрабатывает коллектив томских психологов, то ее аксиоматика изначально включила в себя определение науки как закономерно усложняющейся открытой системы, включая сюда и закономер-

ное усложнение используемых ею форм, стилей и уровней мышления (одномерное – бинарное – тернарное – многомерное).

Простое психологическое мышление: одномерно-бинарная логика классицизма. Для одномерной классики изучение сознания означало изучение содержания сознания, доступного интроспекции. Между тем переход от одномерной логики к бинарной был предопределен. Этому способствовали: самоочевидность дуального устройства мира, столь явственно выступающая в виде «противоположностей» (Я и не-Я, материя и дух, субъективное и объективное, внешнее и внутреннее и т.д.), и обсервационизм (бадьянская теория сознания – К. Поппер), за две тысячи лет несколько не потерявший своей живучести и до сих пор привлекательный своей простотой. Граница с миром устанавливается по плоскости рецепторов, в центре бадьи в зависимости от вкуса и предпочтений располагаются мозг, психика или сознание, которые и перерабатывают то, что поставляют рецепторы. «Психическая деятельность», «деятельность сознания», «деятельность мозга» – это не метафоры, а базальная догма бинарного мышления. Антропоморфизм – приписывание человеческих качеств отдельным частям человека и даже тому, что в понятие человека никак не входит, является визитной карточкой бинарного мышления. В бинарном мышлении есть только функционирующие части, не подчиненные своему целому, – «человека потеряли».

Сложное психологическое мышление: бинарно-тернарная логика неклассицизма. Можно выделить два основания, которые привели к зарождению тернарного мышления внутри бинарной логики. Внутренние основания составляют противоречия бинаризма, которые обнажились при его попытках ставить и решать проблему более сложную, нежели позволяет исходный познавательный ресурс. Внешние основания представлены тем мощнейшим сдвигом культуры научного мышления, произошедшим в научной среде, в которую погружена психология, благодаря развитию общей теории систем, синергетики, антропного принципа в философии, космогонии и т.д. Опознавательным признаком тернарного мышления стало сближение «противоположностей» до уровня «и то и другое», предполагающее нечто третье, которое фиксируется понятиями «единство», «со-бытие», «соприсутствие», с которым бинарная логика никогда не сталкивалась и, думается, никогда не столкнется, ибо это будет уже не бинарная логика. Главный положительный итог тернарной логики: она постепенно утверждала мысль, что сознание есть то, что определяется организацией пространства, в котором соприсутствуют Я и не-Я, материя и дух, субъективное и объективное, внешнее и внутреннее и т.д. Что свое вхождение в «сферу сознания» предметы и явления внешнего мира начинают не из мира «чистой объективности», а из другой, гораздо более сложной реальности, которая только кажется внешней. В связи с этим отпала необходимость приписывать осмысленность и категориальность восприятию, органам чувств, или, хуже того, апеллировать к ним как врожденным категориям. Эпицентр проблемного поля психологии сознания находится в зоне перехода от бинарного мышления к многомерному, но в системе психологии он осуществляется пока так же своеобразно, как и в социальных системах: сам переход мыслится в традиционных понятиях бинаризма [12].

Сверхсложное психологическое мышление: многомерная логика постнеклассицизма. Употребляя понятие «сверхсложное мышление», я отталкиваюсь от логики Рональда Барнетта, которую можно свести к четырем постулатам.

1. Мир, в котором мы живем, давно перестал быть сложным, он сверхсложен.

2. Сверхсложность – это такой тип сложности, при котором даже границы понимания мира проблематизируются.

3. Ученые в этой ситуации должны стать практикующими эпистемологами.

4. Исследование есть порождение сверхсложности [13].

Многомерное мышление, при всех трудностях его освоения, все-таки пробивает себе дорогу не только в теоретико-методологическом плане, но и в плане конкретно-практическом. Что же делает многомерное мышление сверхсложным?

Субъективная оценка уровня сложности мышления зависит от того, насколько легко сможет психолог включить в свой образ мышления некоторые идеи, которые можно оценить и как признаки сверхсложного (многомерного) мышления:

– наступает период, когда необходимо реконструировать целое, чтобы понять части: психика как таковая и психика в структуре целостно понятого человека – это два разных феномена;

– мыслить предстоит в терминах динамического целого, а не статических суверенных частей, даже таких «привычных», как личность, сознание, психика, зачастую понимаемых в качестве самостоятельно «работающих» органов, подчиненных собственной логике и присущим им «механизмам»;

– от дискретного понимания психических феноменов необходимо перейти к континуальному представлению о них: например, понять психику, сознание в их «неподкожности», непрерывности и дальности действия – нет пока другого способа реанимировать психологию как науку о душе, духе и духовном человеке;

– человек как целое, благодаря психике, представляет собой сложнейшую пространственно-временную организацию, открытую в мир и к самому себе саморазвивающуюся систему с присущими ей темпоральными проявлениями, системной детерминацией инициативных (инновационных) форм жизнеосуществления;

– темпоральность (временная сущность явлений, порожденная динамикой их самодвижения) вводит существенно другое представление о последовательности времен в саморазвивающихся системах: будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему;

– смыслообразование (производное самоорганизации) выделяет в жизненном пространстве человека такие места (точки, секторы, сегменты), в которых будущее уже реально присутствует «здесь и теперь» и, следовательно, места, в которых саморазвивающийся человек не совпадает с самим собой;

– оперативные (операциональные) смыслы и ценности представляют собой особые сверхчувственные качества предметов и явлений, их особое субъ-

ективное измерение, возникающее в актах взаимодействия человека с миром и только в тех местах этого мира, в которых обнаруживается соответствие между текущими состояниями человека (его напряженными потребностями и возможностями), и тем в мире, что откликается на его ожидание, на его запрос, обращенный к миру (комплиментарность).

Итак, зафиксированный с помощью трансспективного анализа рост сложности профессионально-психологического мышления выступил в данном случае в качестве показателя прогрессивной эволюции психологического познания. Именно этот рост фиксирует парадигмальная динамика (последовательная смена парадигмальных установок), раскрывая возможности для постановки и решения новых и соответственно более сложных и комплексных научных и прикладных задач.

Литература

1. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
2. Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml](http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml)
3. Клочко В.Е. Историко-системный подход в психологии и теория психологических систем // Актуальные проблемы психологии и педагогики в Казахстане. Алма-Аты, 1990. С. 121–124.
4. Клочко В.Е. Динамика типологических форм системного подхода в психологии перспективы развития психологической науки. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 29171. М., 1987.
5. Клочко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда: Изд-во КГУ, 1987. 94 с.
6. Клочко В.Е., Джакупов С.М. Мыслительная деятельность и эмоции // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 169–173.
7. Клочко В.Е. Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // Сибирский психологический журнал. 1997. № 5. С. 19–27.
8. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 299 с.
9. Трансдисциплинарность [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/)
10. Клочко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 136–152.
11. Клочко В.Е. Многомерное психологическое мышление: антропологические проекции // Психология обучения. 2012. № 10. С. 4–23.
12. Лотман Ю.М. Семносфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
13. Барнетт Рональд. Осмысление университета [Электронный ресурс]. <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm>